

³⁵ Ответ обвиняемого на вопрос о виновности может последовать не сразу, а через какое-то время, если обвиняемый достаточно обоснованно попросит отложить разбирательство дела для осмысления предъявленного обвинения.

³⁶ Следует отметить, что американское законодательство не раскрывает содержания условий законности совершения сделок о признании вины. Это дает судьям некоторый простор в толковании этих условий по своему собственному усмотрению, что, в свою очередь, повышает вероятность злоупотребления с их стороны. В такой ситуации совершенствование норм об условиях законности сделок, как нам представляется, выступает первоочередной задачей американского законодателя.

³⁷ См. о содержании понятия осознания последствий заключения сделки решение по делу *Stephenson v. Rice* 574 So 2d 286 (Fla 2d DCA 1991).

³⁸ См. о содержании понятия добровольность решение по делу *State v. Umbrecht* 371 So 2d 1109 (Fla 4th DCA 1979).

³⁹ См. о содержании права обвиняемого на получение юридической помощи при заключении сделки о признании решение по делу *Puerce v. Mims* 418 So 2d 273 (Fla 2d DCA 1982).

⁴⁰ См. о фактических основаниях совершения сделки о признании также норму 3.172 Правил уголовной процедуры штата Флорида.

М.А. Волгина*

О процессуальном статусе помощника прокурора

Новый уголовно-процессуальный кодекс РФ обогатил отечественный уголовный процесс значительным количеством новых правовых институтов, многие из которых требуют всестороннего осмысления.

Среди многочисленных новелл УПК РФ следует отметить и реформу института обвинения, претерпевшего качественные изменения как по объему процессуальных полномочий субъектов обвинительной деятельности, так и по кругу лиц, уполномоченных на осуществление функции обвинения (уголовного преследования) в судебном производстве. К числу таких нововведений относится изменение процессуального положения государственного обвинителя.

---

* © Волгина М.А., 2005.

Одна из новаций УПК РФ – требование об обязательном участии в судебном разбирательстве государственного обвинителя по всем уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения (ст. 246 УПК РФ). Если учесть, что уголовное преследование в частном порядке осуществляется лишь по четырем составам преступлений (ч. 2 ст. 20 УПК), то становится очевидным, что подавляющее большинство уголовных дел подлежит судебному рассмотрению с обязательным участием государственного обвинителя.

Еще одно нововведение коснулось существенного расширения круга должностных лиц, уполномоченных на осуществление в суде функции обвинения. Так, в соответствии с п. 6 ст. 5 и ч. 4 ст. 37 УПК РФ обвинение в суде от имени государства могут поддерживать не только должностные лица органов прокуратуры, как было предусмотрено УПК РСФСР, но также дознаватель и следователь. Ввиду этого законодатель наделил прокурора правом поручить поддержание обвинения в суде дознавателю либо следователю, производившему дознание по данному уголовному делу. Однако сам институт поддержания государственного обвинения дознавателем или следователем для современного российского законодательства новый, на практике не апробированный. Несмотря на то, что некоторые исследователи полагают, что «корпус государственных обвинителей необходимо усилить в первую очередь за счет работников следственных аппаратов»¹, все же непонятно, как следователь или дознаватель при их загруженности уголовными делами, находящимися в производстве, смогут выполнять весь комплекс процессуальных функций, возложенных законом на государственного обвинителя, без специальной подготовки на должном профессиональном уровне поддерживать государственное обвинение в суде и быть при этом объективными и беспристрастными при поддержании обвинения в суде по уголовному делу, предварительное расследование по которому они проводили лично? «Невозможно представить, чтобы он (следователь. – М.В.) отказался от обвинения, изменил его в сторону смягчения и тем самым публично признался в несостоятельности предварительного расследования, произведенного им самим или его коллегой»².

Видимо ввиду этой неясности Генеральный прокурор РФ еще до вступления в законную силу УПК РФ своим приказом от 3 июня 2002 года № 28 «Об организации работы прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» запретил прокурорам до особого распоряжения поручать поддержание государственного обвинения в суде дознавателям и следователям.

Вместе с тем в этом приказе Генеральный прокурор РФ обошел вниманием вопрос относительно должностных лиц органов прокуратуры, которые правомочны поддерживать государственное обвинение в суде. Вследствие этого выполнение функции уголовного преследования в суде помощниками прокуроров, по мнению некоторых авторов, противоречит требованиям ч. 6 ст. 37 УПК РФ, в соответствии с которыми функции государственного обвинителя могут осуществлять только прокурор района, города, их заместители, приравненные к ним прокуроры и вышестоящий прокурор³.

Ранее выделение помощника прокурора в качестве самостоятельного субъекта обвинительной деятельности, обладающего всей совокупностью прав и обязанностей и выполняющего в судебном заседании функцию уголовного преследования, не вызывало сомнений в силу закрепленного в п. 6 ст. 34 УПК РСФСР понятия «прокурор», под которым понимались «Генеральный прокурор СССР, Прокурор РСФСР, прокуроры автономных республик, краев, областей, прокуроры городов, действующие на правах прокуроров областей, прокуроры автономных областей, автономных округов, районные и городские прокуроры, военные, транспортные и другие прокуроры, приравненные к прокурорам областей, районным или городским прокурорам, их заместители и помощники, прокуроры отделов и управлений прокуратур, действующие в пределах своей компетенции».

Сейчас буквальное толкование ч. 6 ст. 37 УПК РФ, а также тот факт, что законодатель не употребляет термин «помощник прокурора» при разъяснении понятия «прокурор» в уголовно-процессуальном законе, приводит некоторых авторов, в том числе Х. Аликперова, к выводу о том, что полномочия государственного обвинителя не вправе осуществлять не только помощники районного, городского прокурора, но и помощники вышестоящих прокуроров, вплоть до помощника (старшего помощника) Генерального прокурора РФ.

Из этих суждений следует, что в настоящее время большинство государственных обвинителей выполняют свои функции в суде незаконно. Так ли это на самом деле?

Во-первых, отметим, что «государственный обвинитель» и «прокурор» — это разные самостоятельные участники уголовного судопроизводства с различным процессуальным статусом. Так, в п. 6 ст. 5 УПК РФ записано: «Государственный обвинитель — поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу должностное лицо орга-

на прокуратуры...». Ограничимся только этой категорией государственных обвинителей и отметим, что УПК не перечисляет, кому конкретно из числа прокурорских работников предоставлено право поддерживать в суде государственное обвинение. Из анализа ст. 35 Закона о прокуратуре следует, что государственный обвинитель — это прокурор, осуществляющий функцию уголовного преследования в суде.

В соответствии с п. 31 ст. 5 УПК под понятием «прокурор» понимается «Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры, их заместители и иные должностные лица органов прокуратуры, участвующие в уголовном судопроизводстве и наделенные соответствующими полномочиями федеральным законом о прокуратуре».

Надо полагать, что в число этих полномочий входят и обязанности по участию прокурора в судебном разбирательстве в качестве государственного обвинителя. А ввиду того, что в ч. 1 ст. 37 УПК отмечено, что «прокурор» является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, это утверждение не вызывает сомнений.

Таким образом, термин «прокурор» гораздо шире термина «государственный обвинитель».

Поскольку диспозиция нормы, содержащейся в п. 31 ст. 5 УПК, имеет бланкетный способ изложения, то есть отсылает к специальному закону, то содержащийся в ней термин «подчиненные ему прокуроры» подлежит расширительному толкованию.

В соответствии со ст. 54 Федерального закона о прокуратуре термин «прокурор» применительно к пунктам 1-4 ст. 35 (а именно в этой статье закреплены положения об участии прокурора в рассмотрении дел судами) означает: «Генеральный прокурор Российской Федерации, его советники, старшие помощники, помощники и помощники по особым поручениям, заместители Генерального прокурора Российской Федерации, их помощники по особым поручениям, заместители, старшие помощники и помощники Главного военного прокурора, все нижестоящие прокуроры, их заместители, помощники прокуроров по особым поручениям, старшие помощники и помощники прокуроров, старшие прокуроры и прокуроры, старшие прокуроры-криминалисты и прокуроры-криминалисты управлений и отделов, действующие в пределах своей компетенции».

Кроме того, в ст. 36 этого же закона указано, что помощник прокурора, прокурор управления, прокурор отдела могут приносить протест только по делу, в рассмотрении которого они участвовали. Однако, по мнению Х. Аликиперова, эта норма Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» противоречит требованиям ч. 6 ст. 37 УПК РФ относительно понятия «прокурор», а в связи с тем, что законодатель в ч. 1 ст. 7 УПК РФ установил приоритет норм УПК над нормами других отраслей федерального законодательства, закон о прокуратуре в этой части не имеет юридической силы⁴.

Думается, что никакой коллизии по вопросу определения терминов «прокурор» и «государственный обвинитель» между нормами УПК РФ и Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» не обнаруживается. Выше отмечалось, что статьи уголовно-процессуального закона, касающиеся определения процессуального статуса прокурора в уголовном судопроизводстве, бланкетные и отсылают к федеральному законодательству. Закон о прокуратуре является специальным по отношению к УПК РФ и соответственно регулирует только правовое положение должностных лиц органов прокуратуры. УПК РФ же по объему и объекту регулирования является общим законом, так как посвящен регулированию общественных отношений, складывающихся в сфере уголовного судопроизводства. Следовательно, эти два закона в части определения процессуального положения прокурора не противоречат друг другу, а лишь дополняют.

Таким образом, анализ норм УПК и Закона о прокуратуре позволяет сделать вывод: в качестве государственного обвинителя, кроме должностных лиц органов прокуратуры, указанных в п. 6 ст. 37 УПК, вправе выступать в суде старшие помощники и помощники прокуроров – руководителей всех уровней, а также старшие прокуроры и прокуроры соответствующих отделов и управлений вышестоящих прокуратур.

Поддержание этими должностными лицами органов прокуратуры государственного обвинения в суде вполне законно и логично.

Более того, необходимо законодательное закрепление правового статуса именно помощника прокурора как одной из гарантий процессуальной самостоятельности государственного обвинителя. Необходимо также дать ему большую самостоятельность, что, во-первых, повысит его персональную ответственность, во-вторых, приведет к экономии и людских резервов, и времени на подготовку актов прокурорского реагирования, и, в-третьих, позволит на законодательном уровне разрешать

коллизии, возникающие между прокурором, утвердившем обвинительное заключение, и государственным обвинителем, то есть помощником прокурора, принимающим участие в судебном производстве.

Кроме того, можно было бы устаревшее и не соответствующее процессуальному положению наименование «помощник прокурора» заменить, к примеру, «прокурором прокуратуры района по надзору за исполнением законов при рассмотрении судами уголовных дел». А должность прокурора района переименовать в должность «главного прокурора района».

Примечания

¹ Ульянов В. Нужна ли специализация в государственном обвинении? // Законность. 2002. № 7. С.36.

² Демидов И., Тушев А. Отказ прокурора от обвинения // Российская юстиция. 2002. № 8. С.27.

³ См., например: Аликперов Х. О процессуальной фигуре государственного обвинителя // Российская юстиция. 2003. № 3. С.46; Устинов А. Компетенция помощника прокурора // Законность. 2002. № 6. С. 31-32.

⁴ Аликперов Х. Указ. соч. С. 47.

А.Ю. Кирьянов*

Некоторые проблемы реализации принципа презумпции невиновности

Презумпция невиновности является основой правового статуса лица, обвиняемого в совершении преступления; от наличия и реальности действия презумпции невиновности зависит существование и характер правосудия в стране. Для российского уголовного процесса данный принцип относительно молод. Хотя научные споры вокруг презумпции невиновности велись и в дореволюционной России, и в советское время¹,

---

* © Кирьянов А.Ю., 2005.